

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

КРУГИ ПО ВОДЕ

R
BALTRUS

Наталья Горбаневская

**Круги по воде. Январь
2006 – август 2008**

«Новое издательство»

2010

Горбаневская Н. Е.

Круги по воде. Январь 2006 – август 2008 / Н. Е. Горбаневская —
«Новое издательство», 2010

Наталья Горбаневская – поэт, переводчик, правозащитник, участник демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. Автор более десяти книг стихотворений, включая «Набор» (1996), «Не спи на закате» (1996), «Кто о чем поет» (1998), «Последние стихи того века» (2001), «Русско-русский разговор» (2003) и др. В книге «Круги по воде» собраны стихи второй половины 2000-х годов.

© Горбаневская Н. Е., 2010

© Новое издательство, 2010

Содержание

«Губы лютуются и поются...»	5
«Кочерыжка водокачки...»	6
«Кто видел англичан...»	7
Свобода воли	8
1.	8
2.	9
3.	11
«Глубокоуважаемый...»	12
«Выхожу с Восточного вокзала...»	13
«Что это...»	14
«Ни хвостиков, ни черточек, ни точек...»	15
«Неистовствуй и истину гласи...»	16
«Господи, услыши мя...»	17
«Распаянный бульвар...»	18
«Кто там стучится в висок, но снаружи...»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Горбаневская

Круги по воде. Январь 2006 – август 2008

«Губы льются и поются...»

Губы льются и поются,
обе гулом отобьются
от обрушившихся стен,
обе – бэби в колыбели
гонобобелью без цели,
без эстрад и прочих сцен,

обе – ягода-малина,
от изломанного тына
отдаваясь эхом эх,
обе – клюква, обе – кряква,
обе – пенная Арагва,
раздувающийся мех

целокупного органа,
хроматическая гамма
от ларька недалеко,
не модель и не программа,
но штандарт и орифламма...
Значит, дышится легко

этим грязным мыльным губкам,
этим гулким медным трубкам,
сочлененным между до —
до концерта-представленья
и до светопреставленья,
до-ре-ми и ми-ре-до.

«Кочерыжка водокачки...»

Кочерыжка водокачки,
точно витязь у распутья,
а за пазухой в заначке
пирожок и в нем капуста,

чтобы съесть на поле битвы,
чтобы схавать умиленно
без воды и без поллитры
овощное теста лоно,

чтобы лук не перепрягся,
чтоб копье не затупилось,
чтоб ворона, точно клякса,
с водокачки не спустилась

доклевать сухие крошки,
выклевать пустые очи
и на все на три дорожки
каркать, каркать что есть мочи.

«Кто видел англичан...»

Кто видел англичан,
ушедших по-английски?
Кто знал и различал
закуски и загрызки?

Кто на своем веку
во сне не змружил века?
Кому на всем скаку
бил колокол-калека?

Кому, о ком, о чем
застольный и застойный,
в толпе к плечу плечом
молчит мой город стольный?

Свобода воли Почти поэма

1.

Этот год начинался хорями,
хоровым музицированием,
это пчелы роились и реяли
не ко времени и не по времени
года.

Это снова менялась погода,
падал снег и истаивал, нем,
эта холода-голода нота,
эта белая глухонемота
в Лютеции.

Как до блюда додатые специи,
дадаисты сбивались кружком,
потрясая жирком и брюшком,
и гласили друг другу концепции
о сакральном и о мирском

на своем языке, разумеется,
если он у них вправду имеется.
Год едва отошел от начала
и едва устремился вперед,
но уже поглядеть на мочало
на колу собирался народ,
и прещедрая власть назначала
кому кнут, кому пряника в рот,

медового пряничка, мятного,
а кому и кнута непечатного.

2.

«Этот год» – это время. А место?
А место, увы, неуместно,
я качаюсь на проволоке меж,
и растет из словесного теста,
где словам (а не мыслям) не тесно,
тот истаявший снежный рубеж,
что и служит мне проволокой шаткой,
смотровую площадкой.

Погляди в смотровое окно,
за стеклом и свежо, и мокро,
и само оно наклонено
к горизонту, и к синему бору,
и к лошадке размером в перо,
торопящей телегу-шкатулку
и, теряя колесную втулку,
не охочей до разговору
ни о чем.
Этот год был ни шаткий, ни валкий,
не стучал по засову ключом,
но ятвяги, жемайты, сувалки
не томились, как мы, в раздевалке,
не сходились послушать оркестр,
их речей отголоски ни жарких,
ни прохладных, как наши, окрест
не ложились – речей их, ни жалких,
ни величественных,

– на пустые леса и поляны.
Этим роком, на них излиянным,
сам себя ударяешь под дых,
сам себе уготовуешь рок
на качелях Запад-Восток,
где повисли два красных флажка,
серпомолот и свастика,
и нещадная рока рука
не сжимает ластика,
того ластика, что на простор
храбро вышел и лишнее стёр.

Были б раньше не шатки, а валки,
то и прусы, ятвяги, сувалки
могли бы стоять в раздевалке
вместе с нами за шубами, пальтами
и на вешалку сданными кольцами,

получать от налогов повестки
и на Русь посылать эсэмэски.

3.

В свете сумерек, в утреннем блеске
над пожарищем века вишу,
косоглазо зыряя наружу,
что ни сделаю, что ни решу
– всё садится в глубокую лужу,
но и мятным головокруженьем
я зато себя не оглушу.
Не рифмуйте бессмертную душу
с этим новым, медовым глушеньем,
этим пряником в виде кнута
(и наоборот).

«Глубо́коуважаемый...»

Глубо́коуважаемый
вагоноуважа...

катаючись трамваями,
не сесть бы на ежа,

не скушать бы ужа,
с угрём нечаяно спутав,
пока углём беспутным
не греется душа,

пока она трамваями,
одевшись плотью, ездит,
пока в бесснежном мареве
глядит себя без лести

и, да, без снисхожденья,
претензий и обид
себя она глядит,
и этот скорбный вид
в парах самосожженья

заслуживает нашего
молчания, да-да,
и ты ее не спрашивай:
зачем? почём? куда?

«Выхожу с Восточного вокзала...»

Выхожу с Восточного вокзала
и с восточным распротясь морозом.
Заумь – безумь, я уже сказала,
но она же, если хочет, розумь,

но она же мотыльком по розам,
утюжком по грёзам поизмятым,
вопреки угару и угрозам,
вопреки таблеткам сердцемятным,

вопреки самой себе... О заумь,
о Котаумь с зелеными глазаумь,
так дерзайся, только не слезайся
с поезда, где едешь в виде зайца.

«Что это...»

Что это
зашептало
на ветке через окно,
не посмело, не щебетало,
тем более не свистало,
что это – или кто?

Это весна, равноденствие,
это зима, зиме, зимы кончается срок,
и она выходит на волю, на дальний,
самый дальний восток,
и чем дальней, тем печальней.
А весна сбивается с ног,

смывает остатки сугробов,
вымывает останки гробов,
ибо час Воскресения пробил
в выходные отверстия белых лбов,

ибо Бог – это вправду любовь,
но себя ко всему приготовь.

«Ни хвостиков, ни черточек, ни точек...»

Ни хвостиков, ни черточек, ни точек,
емеля нам выравнивает почерк,
и спросишь: «Как жена?» – а выйдет «зона»,
и держишь сам себя за фармазона,
который был исходно франкмасоном,
умом не сонным, духом не бессонным,
душой не чутким и несклонным к шуткам,
давно отправленным ко всем анчуткам.

Поставь на переписку знак товарный,
и верный росс пойдет, как лях коварный,
извертываться, врать и лицемерить
и самому себе уже не верить,
не доверять рефлексам и привычкам,
ключам в кармане, спичкам и отмычкам,
влюбленностям заречным и заморским
и давним радостям консерваторским.

Поставя копирайт на переписку,
ты сам себя переберешь по списку,
по перечню, где уши-руки-ноги
гуляют парами, за ними по дороге
– как зэк со шконкой – печенка с селезенкой,
и все одето кожицею тонкой,
которой так недолго надорваться
и обнажить... – и обнажиться, братцы!

У переписки, пересвиста птичья,
ни замысла (а значит, и величья),
ни умысла (на подрыв и свержение),
ни помысла (как выйти из окруженья),
ни мысли, хоть бы вялой и небойкой,
и только рифмы ходят парой или тройкой.

«Неистовствуй и истину гласи...»

Неистовствуй и истину гласи
так истово, как некогда, как встарь,
и помни, что веселие Руси —
ложить людей как жертву на алтарь.

«Господи, услыши мя...»

Господи, услыши мя,
я тебе не лишняя.
– Слышу, доню.
Не прошу переменить
эту дёрганую нить,
мою долю.

Что захочешь – Сам подашь,
как подал мне карандаш
и тетрадку.
Господи, услыши мя,
чтоб не вышло из меня
беспорядку.

«Распаянный бульвар...»

Распаянный бульвар
лудильщик не поправит,
сухое солнце плавит
бессильный Вавилон.
Жую, как в детстве, вар,
пока в зубах настрянет,
пока в ушах стреляет
неслышный перезвон.

Забравшись на Парнас,
как нимфа, загораю,
загубленному раю
вчерашняя сестра.
«Помилуй бедных нас»
шепчу – и оступаюсь,
и тут же просыпаюсь
(такой вот сон с утра).¹

¹ Примечание для непарижан (а парижане легко догадаются): действие сна происходит где-то близ перекрестка бульваров Распай и Монпарнас.

«Кто там стучится в висок, но снаружи...»

Кто там стучится в висок, но снаружи,
рушится мой герметический череп,
через растрешины глубже и глуше
грузный паром ударяется в берег
и удаляется снова и снова,
сном или явью, явью ли, снами,
с нами отходит от берега родного
прямо на дно, под зеленое знамя.

Знаешь ли, знаем ли, знаю ли, кто там
кодом выстукивал в кости височной
точный маршрут к недоступным высотам,
сотовым медом текущим, к заочной
ставке и с летом, и с веком, и к рекам
млеко бегущим, и травам подводным,
смертным грехам и прощенным огрехам,
к точке, где станешь навеки свободным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.